

## ШОЛОХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЖОУ ЛИБО

Цзе Лин

**Ключевые слова:** генетические связи, типологические связи, Михаил Шолохов, Чжоу Либо, «Большие перемены в горной деревне», «Ураган», «Поднятая целина», коллективизация, межкультурная трансформация

**Keywords:** genetic connections, typological connections, Mikhail Sholokhov, Zhou Libo, "Big Changes in a Mountain Village", "Hurricane", "Virgin Soil Upturned", collectivization, intercultural transformation

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3-03)

**В**ведение  
В XX веке литературный диалог между СССР и Китаем стал важным каналом культурного обмена, где творчество Михаила Шолохова заняло ключевое место. Его романы, сочетающие эпический размах с глубоким психологизмом, оказали значительное влияние на китайских писателей, стремившихся осмыслить процессы социалистических преобразований. Среди них выделяется Чжоу Либо, чьи произведения «Ураган» (暴风骤雨) и «Большие перемены в горном селе» (山乡巨变) демонстрируют творческое переосмысление шолоховских традиций в контексте китайской аграрной реформы. Изучение этого влияния представляется особенно важным, так как позволяет проследить, как идеи и образы, возникшие в одной культуре, находят свое отражение и преломление в другой, обогащая мировую литературу новыми смыслами. Целью исследования является выявление конкретных механизмов межкультурной трансформации, позволивших Чжоу Либо адаптировать художественные методы Шолохова к национальному контексту, сохраняя при этом основные принципы идеологической направленности соцреализма.

В рамках достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

Определить основные тематические и мотивные параллели между произведениями Шолохова и Чжоу Либо.

Проанализировать трансформацию шолоховских архетипов и нарративных стратегий в романах Чжоу Либо.

Выявить роль исторического и культурного контекста в процессе адаптации шолоховского наследия.

Оценить вклад Чжоу Либо в развитие китайской литературы и его место в контексте мирового литературного процесса.

### **Методы и материалы исследования**

В качестве теоретической основы исследования используются труды ведущих специалистов в области сравнительного литературоведения, таких как А.Н. Веселовский, разработавший теорию «исторической поэтики» [Веселовский, 1940], и В.М. Жирмунский [Жирмунский, 1979], предложивший типологический подход к изучению межлитературных связей. Особое внимание уделяется концепциям «культурной трансмиссии» и «литературного влияния», позволяющим проследить процесс адаптации и трансформации художественных элементов в инокультурной среде. Выбор этих теоретических подходов неслучаен, так как именно они позволяют наиболее полно раскрыть сложное взаимодействие между творчеством Шолохова и Чжоу Либо, учитывая как общие закономерности литературного развития, так и уникальные особенности каждой культуры.

Основным материалом исследования являются романы М.А. Шолохова «Поднятая целина» и Чжоу Либо «Большие перемены в горной деревне» и «Ураган». Для анализа привлекаются также критические статьи и литературоведческие исследования, посвященные творчеству Шолохова и Чжоу Либо, а также работы по истории китайской и советской литературы. Эти произведения были выбраны потому, что они наиболее ярко демонстрируют влияние Шолохова на Чжоу Либо, позволяя проследить, как шолоховские мотивы и образы переосмысливаются в китайском контексте.

В процессе исследования применяются следующие методы:

Сравнительно-типологический анализ — сопоставление мотивов (например, «убийство — отчуждение», «жертва — возрождение») в «Поднятой целине» и «Больших переменах в горной деревне».

Интертекстуальный анализ — выявление аллюзий на шолоховские сцены (забой скота и вырубка священных роц).

Историко-культурный метод — изучение влияния конфуцианской этики и политики КПК на нарративные стратегии Чжоу Либо.

Биографический подход — учет переводческой деятельности Чжоу Либо и его идеологических установок.

Материал исследования — художественные тексты: М.А. Шолохова («Поднятая целина», 1932); Чжоу Либо («Ураган», 1948; «Боль-

шие перемены в горной деревне», 1958), а также критические работы: А.Н. Веселовского («Историческая поэтика», 1989); В.М. Жирмунского («Сравнительное литературоведение», 1979); Лю Сяньвэня («Шолохов в Китае», 2014).

### Результаты исследования

Чжоу Либо является одним из ключевых представителей китайской литературы, испытавших влияние М.А. Шолохова. Его вклад не ограничивается переводом первой части «Поднятой целины» и очерка И.Г. Лежнева, популяризовавших советского писателя в Китае. Чжоу Либо активно адаптировал творческий метод Шолохова, интегрируя его в свою художественную практику и развивая его эстетические принципы в новом культурном контексте.

Романы Чжоу Либо, такие как «Ураган» и «Большие перемены в горной деревне», несут отпечаток художественного стиля М.А. Шолохова. В. Рудман отмечала влияние перевода «Поднятой целины» на творчество Чжоу Либо [Рудман, 1983, с. 361]. Сам Чжоу Либо признавался: «Мы воспринимаем советскую литературу как нашего лучшего учителя» [Чжоу Либо, 1949, с. 2], и с теплотой отзывался о Шолохове: «Когда я читал эту книгу и переводил её, меня постоянно согревала её тёплая и гармоничная улыбка» [李光华, 1983. С. 58].

Перевод «Поднятой целины» познакомил китайских читателей с исторической панорамой коллективизации в СССР и повлиял на создание Чжоу Либо крупномасштабной эпопеи о земельной реформе в Китае. По словам Чжоу Либо, именно творческий дух Шолохова, «шагавшего в ногу со временем, отражавшего веяния эпохи» [马伟业, 1992, с. 113], вдохновил его на создание произведений, закрепивших его место в истории современной китайской литературы.

Сравнительное литературоведческое исследование произведений Чжоу Либо и Михаила Шолохова выявляет общность в тематике аграрных преобразований. Сравнительный экономический анализ казачьего колхоза в «Поднятой целине» и сельскохозяйственного производственного кооператива в «Больших переменах в горной деревне» демонстрирует, что обе формы хозяйствования, несмотря на различия, способствовали увеличению производства и повышению уровня жизни крестьян. Однако важно отметить, что Чжоу Либо, в отличие от Шолохова, делает больший акцент на добровольном участии и инициативе крестьян, что отражает особенности китайской политики в период земельной реформы.

Рассмотрение этического аспекта осуществляется через анализ конфликта поколений, нашедшего отражение в образах Семена Давыдова и Майданникова, а также Дэн Сяньцзиня и Чэнь Сяньцзиня. Представим этот анализ в виде таблицы 1<sup>1</sup>.

Таблица 1

**Тематическая матрица сравнения романов  
М. Шолохова и Чжоу Либо**

Аспект анализа	«Поднятая целина» (Михаил Шолохов)	«Большие перемены в горной деревне» (Чжоу Либо)
<b>Конфликт поколений</b>	Семен Давыдов и Кондрат Майданников. Давыдов олицетворяет новый порядок	Дэн Сяньцзинь и Чэнь Сяньцзинь. Конфликт между модернизацией и традиционными ценностями
<b>Деконструкция патриархата</b>	Коллективизация разрушает казачий уклад. Майданников теряет авторитет	Традиционные иерархии подрываются реформами. Чэнь Сяньцзинь лишается влияния
<b>Ритуализованные практики</b>	Соцсоревнования. Собрания с «разоблачениями». Идеологические кампании	Критико-самокритичные собрания. Продвижение идеи «общего блага»
<b>Интеграция индивида в коллектив</b>	Давыдов использует давление коллектива для подавления сопротивления	Дэн Сяньцзинь продвигает идею «общего блага», переформируя личные интересы
<b>Этический парадокс</b>	Насилие во имя «светлого будущего»	Конфликт между гуманизмом и революционной необходимостью

Представленный сравнительный анализ этических аспектов и конфликта поколений в романах «Поднятая целина» М.А. Шолохова и «Большие перемены в горной деревне» Чжоу Либо демонстрирует преемственность шолоховской традиции в творчестве китайского писателя. Она выражается в общности тематики аграрных преобразований, сходстве архетипов персонажей, отражающих столкновение старого и нового мира, и в использовании схожих нарративных стратегий для изображения социалистических преобразований. Однако Чжоу Либо не просто копирует шолоховские приемы. Под влиянием китайской идеологии и культурных особенностей он трансформирует эту традицию: смягчает трагизм, избегает откровенного насилия и акцен-

<sup>1</sup> Данные для этой и следующих таблиц взяты из монографии: 刘祥文. 《肖洛霍夫在中国》. 北京: 中国社会科学出版社, 2014年. 第165页. (Лю Сяньвэнь. М.А. Шолохов в Китае / Пер. с кит. Пекин: Изд-во «Социальные науки Китая», 2014. 165 с.).

тирует позитивные аспекты реформ, создавая собственный, адаптированный к китайским реалиям художественный мир.

Творческое взаимодействие Шолохова и Чжоу Либо определялось не только историческим контекстом и рецепцией шолоховского творчества в Китае, но и глубинными особенностями творческой психологии обоих писателей, их личным отношением к аграрным преобразованиям и к своим героям. В частности, это взаимодействие обусловили два ключевых фактора. Во-первых, адаптация тематических элементов «Поднятой целины» Чжоу Либо посредством «творческой переработки», которая проявилась в отказе от прямолинейного идеологического диктата и в стремлении показать сложность и неоднозначность аграрных преобразований в китайской деревне. Это позволило создать более реалистичный нарратив. Во-вторых, историческая гомология социальных структур СССР и Китая, выражавшаяся в наличии сильной крестьянской общины и важности коллективных форм труда. Это облегчило литературную адаптацию шолоховских мотивов и приемов в китайской прозе.

Эта особенность ярко проявляется в анализе творческой психологии обоих писателей. Оба автора испытывали глубокую привязанность к родным местам — Дону и Сянцзяну, — что нашло отражение в детальных и живописных описаниях природы, быта и традиций крестьянства. Эта любовь, преломленная через личный опыт и культурную память, создает связь времен и формирует особую пространственную поэтику их произведений. Однако если у Шолохова донские степи становятся символом свободы и вольницы, то у Чжоу Либо ландшафты Сянцзяна олицетворяют связь с предками и традиционным укладом жизни. Данное различие, по-видимому, отражает специфику исторического развития России и Китая, а также различие в философско-культурных представлениях о месте человека в мире.

Эволюция их роли — от просветителей до активных участников аграрных преобразований (Шолохов — как свидетель и летописец коллективизации, Чжоу Либо — как непосредственный участник земельной реформы) — способствовала созданию уникальных художественных миров. В этих мирах запечатлены не только жизнь и мировоззрение крестьян Дона и Хунани, но и индивидуальное авторское осмысление социальных процессов, обусловленное личным опытом и культурным контекстом.

Типологический анализ позволяет выявить не просто механическую трансформацию, но глубокое творческое переосмысление шолоховских мотивов в произведениях Чжоу Либо. В данном контексте можно гово-

речь о тройной художественной трансформации: во-первых, писатель перенес нарратив о махновском казачестве в контекст «бамбуковой политики» хунаньского горного региона, насытив его спецификой китайской политической культуры; во-вторых, радикальный типаж Нагульнова был переосмыслен через комический образ «Тимяньху», приближенный к менталитету китайского крестьянства; в-третьих, произошел синтез мощной эстетики советской литературы с утонченной поэтикой культуры Чу, что позволило создать уникальный стиль, сочетающий принципы социалистического реализма с традициями китайской классики. Как верно отмечает Этьембль (см. [Дмитриева, 2024, с. 165]), подобная межкультурная интерпретация подтверждает, что подлинное литературное влияние неизменно предполагает эстетическое преломление, что и демонстрирует в своем творчестве Чжоу Либо.

Советский ученый Л. Якименко отмечал, что в романе «Поднятая целина» «основу сюжета составляют события огромного исторического значения в жизни народа» [Якименко, 1982, с. 100]. Это наблюдение в полной мере применимо и к произведениям Чжоу Либо, однако если для Шолохова ключевое значение имеет историческая правда, то для китайского писателя первостепенным становится соответствие идеологическим установкам. Тем не менее влияние сюжетных структур «Поднятой целины» — в частности, изображение становления колхозного строя и руководящей роли партийного работника — прослеживается в произведениях Чжоу Либо, что подтверждается выявленными параллелями.

Для выявления конкретных механизмов влияния обратимся к анализу генетических и типологических связей. С позиций генетического подхода (А.Н. Веселовский) и сравнительной типологии (В.М. Жирмунский) взаимосвязь творчества Чжоу Либо и М.А. Шолохова раскрывает трансвременный диалог, в котором каждый автор осмысляет аграрные преобразования, опираясь на общий культурно-литературный фонд.

На уровне генетической связи в их произведениях разрабатывается мотив «пришелец-преобразователь» (Ивинский, 2015, с. 34–40). Так, Давыдов прибывает в Гремячий Лог по железной дороге, а Дэн Сяупэй — в Цинси на лодке. Однако ключевое различие заключается в их социальном статусе: если Давыдов воплощает тип героя-рабочего, то Дэн Сяупэй представляет интеллигенцию, что отражает различные социальные группы, вовлеченные в процесс преобразований.

Эта архетипическая репликация образа «нарушителя, меняющего миропорядок» (Веселовский, 1989), демонстрирует не только пре-

емственность литературных мотивов, но и их адаптацию к новым историко-культурным контекстам.

Нарративное родство проявляется и в театрализованной структуре сцен «собраний-мобилизаций». Четко структурированная четырехчастная схема — вопросы стариков, расчеты середняков, прозрения бедняков и решения кадров — прослеживается как на собрании бедняков в «Поднятой целине», так и на семейных советах в «Больших переменах в горном селе». Однако если в «Поднятой целине» собрание служит инструментом давления и принуждения, то в китайском произведении оно становится формой диалога и убеждения, что отражает особенности местной культурной традиции.

Схожий нарративный подход наблюдается и в архетипических ролях персонажей (см. табл. 2)<sup>2</sup>, что подчеркивает общую логику вовлечения народа в процесс преобразований.

Таблица 2

## Сравнительная таблица архетипов персонажей

Рольевой архетип	«Поднятая целина» (Михаил Шолохов)	«Большие перемены в горной деревне» (Чжоу Либо)	Функция в сцене
Мудрый старейшина	Дед Шукарь	Старик Мэнчэн	Выражает традиционные ценности и опасения
Сомневающийся середняк	Андрей Разметнов	Чэнь Цзяньгун	Представляет прагматический взгляд и колебания
Убежденный активист	Макар Нагульнов	Дэн Сюмэй	Пропагандирует новую идеологию и призывает к действию

Можно заключить, что Чжоу Либо, изображая народные сцены и используя политические инструменты, находится под влиянием шолоховской традиции. Это влияние проявляется в театрализованной организации массовых сцен, схожих рольевых архетипах, а также в отражении политических решений, определивших ход аграрных преобразований.

Однако важно подчеркнуть, что Чжоу Либо выходит за рамки поверхностного усвоения шолоховских приемов. В его романе политиче-

<sup>2</sup> Данные для этой и предыдущей таблиц взяты из указанной монографии: 刘祥文. 《肖洛霍夫在中国》. 北京: 中国社会科学出版社, 2014年. 第158页. (Лю Сянвэнь. М.А. Шолохов в Китае / Пер. с кит. Пекин: Изд-во «Социальные науки Китая», 2014. 158 с.).

ские инструменты акцентируют добровольность и инициативу, что соответствует специфике китайской земельной реформы и отличает его подход от шолоховского.

Продолжая типологический анализ в духе В.М. Жирмунского, можно выявить отражение ключевых этапов аграрной коллективизации в китайской и советской литературе. В частности, сходство прослеживается в использовании политических инструментов: если в СССР роль нарративного «двигателя» выполняла резолюция «О темпах коллективизации» [Трагедия советской деревни..., 2000, с. 61–66], то в Китае аналогичную функцию принимал на себя «Примерный устав сельскохозяйственных производственных кооперативов» [Белоглазов, 2019, с. 75]. В обоих случаях разрешение конфликтов, связанных с частным хозяйством, закономерно приводит к коллективизации, формируя общую литературно-идеологическую парадигму.

Эстетика времени в революционном реализме характеризуется феноменом «двойного кодирования» [Лукинова, Глухенькая, 2015, с. 40], проявляющегося в наложении сельскохозяйственных и политических циклов, что создает полифоническую ритмическую структуру повествования. Сельскохозяйственный цикл, с его естественной периодичностью от весеннего сева до осеннего урожая, воплощает поэтику созидательного труда и гармонию с природными процессами. Параллельно политический цикл, развивающийся от этапа мобилизации к подведению итогов, отражает динамику идеологической борьбы и целеустремленное движение к социальным преобразованиям.

Диалектика революционной эстетики, выраженная в контрастном сочетании насилия и человечности, подчеркивает типологическую близость рассматриваемых циклов. Так, в романе «Поднятая целина» сцена убийства лошади Давыдовым символизирует разрушение прежнего уклада, однако этот акт насилия смягчается проявлением гуманизма — попыткой героя утешить осиротевшего ребенка (Михаил Шолохов. 2015). Аналогичный дуализм прослеживается в романе «Ураган» Чжоу Либо: ярость и обличения на пидоухуэй (публичных осуждениях) (批斗会) сочетаются с гуманистическим жестом — распределением конфискованного имущества кулаков (фуцай) среди бедняков (Чжоу Либо. 1952). Именно это единство противоположностей — жестокости и сострадания — формирует уникальную художественную реальность произведений.

Эти примеры, включая образы трактористов и мастеров рисовых полей, олицетворяющих трудовой коллектив и устремленность к построению нового общества, демонстрируют, что, несмотря на присут-



ствие мотивов насилия, центральное место в революционной литературе по-прежнему занимает человек — его судьба, переживания и устремленность к лучшему будущему.

Для выявления конкретных механизмов этого влияния целесообразно применить анализ генетических связей и типологических соответствий. С опорой на методологию А.Н. Веселовского (генетический аспект) и В.М. Жирмунского (типологический подход) можно проследить трансвременной диалог между Чжоу Либо и Шолоховым, в рамках которого каждый из авторов, выражая собственное видение аграрных преобразований, одновременно обращается к общему культурно-литературному фонду. На уровне генетической преемственности особый интерес представляет разрабатываемый обоими писателями мотив «пришлец-преобразователь», что позволяет говорить о художественной рецепции и вариативности его воплощения.

В рамках генетического анализа, основанного на методологических принципах А.Н. Веселовского, прослеживается трансформация шолоховских традиций в творчестве Чжоу Либо, адаптированных к специфике китайского культурного кода. Яркой иллюстрацией этого процесса служит мотив «убийства-отчуждения» [Дюсенгалиева, 2014, с. 258], который в шолоховской «Поднятой целине» реализуется через эпизод массового забоя скота казаками. Данный эпизод символизирует не только разрушение хозяйственного уклада, но и разрыв сакральной связи между человеком и землей. В романе Чжоу Либо «Большие перемены в горной деревне» происходит художественная трансформация этого мотива: вместо забоя скота изображается вырубка священных рощ, где уничтожение природного начала интерпретируется не как акт протеста, а как жертвоприношение во имя прогресса. Такая трактовка находит свое идеологическое обоснование в конфуцианской концепции «общего блага». Если у Шолохова данный мотив выполняет функцию демифологизации коллективизации, то Чжоу Либо, сохраняя драматургическую структуру конфликта, переосмысляет его в контексте традиционного китайского мифологема возрождения через жертву.

Продолжая эту линию анализа, можно проследить, как трансформация мотивов отражается в пространственной символической. В «Поднятой целине» Шолохова бескрайние степные просторы становятся символом свободы и надежды, воплощая веру в прогресс и преодоление. В то же время в прозе Чжоу Либо доминирует образ рисовых террас, олицетворяющий неразрывную связь с землей, цикличность бытия и примирение с судьбой. Это противопоставление отражает глубинные различия в восприятии природы русской и китайской культу-

рами: если степь ассоциируется с безграничностью и волевым началом, то рисовые террасы — с упорным трудом и стремлением к гармонии с естественным порядком вещей.

Хотя образ плуга в творчестве Чжоу Либо действительно может быть интерпретирован в рамках концепции «интернационального стиля социалистической литературы» (В.М. Жирмунский), анализ конкретных эпизодов романа «Ураган» (暴风骤雨) выявляет иную художественную динамику. Чжоу Либо не ограничивается заимствованием шолоховского символизма коллективизации из «Поднятой целины», но творчески перерабатывает его, интегрируя элементы китайской фольклорной традиции. В результате возникает уникальный синтез, обогащающий исходную модель. Если у Шолохова плуг в донской степи служит метафорой насильственного разрыва с прошлым, то у Чжоу Либо плуг, погруженный в красную почву Сянчу, становится инструментом диалога с историей.

Даже описание земли в романе подчеркивает национальную специфику, дополняя шолоховский соцреализм культурными кодами, укорененными в китайской традиции. Таким образом, можно говорить о «творческой измене» Чжоу Либо по отношению к исходному советскому образцу: он не просто имитирует Шолохова, но создает самостоятельный художественный мир, в котором интернациональная соцреалистическая эстетика переосмысливается через призму локального культурного опыта.

Творческое переосмысление Чжоу Либо шолоховских персонажей демонстрирует не просто заимствование, а глубокую трансформацию архетипов в соответствии с китайским культурным кодом при сохранении сути драматического конфликта. Например, образ Майданникова из «Поднятой целины» у Чжоу Либо воплощается в Чэнь Сяньцзине, для которого преданность клану и семье оказывается выше абстрактных идеалов. Если у Шолохова трагедия Майданникова заключается в противоречии между личной жертвенностью и бесчеловечностью системы, то у Чжоу Либо конфликт Чэнь Сяньцзина предстает как столкновение конфуцианского долга с революционным.

Даже комические персонажи, такие как дед Щукарь, претерпевают трансформацию в творчестве Чжоу Либо, обретая новые черты в образе Тин Мяньюху. Если Щукарь использует еду как инструмент манипуляции и выживания, то Тин Мяньюху наделяет тыкву символическим значением, превращая ее в знак общинной гармонии. Эволюция женских образов также прослеживается в рамках шолоховской традиции: так, Марина из «Поднятой целины» у Чжоу Либо перерастает во вдову

Чжан — хранительницу не индивидуального, но родового знания. Подобные трансформации отражают не только влияние китайской культурной парадигмы, но и мировоззренческие установки самого писателя, связанные с его пониманием роли человека в обществе.

Теории Веселовского и Жирмунского позволяют увидеть, как традиция Шолохова не просто переносится, а активно перерабатывается в творчестве Чжоу Либо. Например, хотя партийные лидеры Давыдов и Дэн Сяопэн имеют общую структуру власти, Чжоу Либо вносит существенные коррективы. Шолоховские архетипы обретают новую жизнь в творчестве Чжоу Либо, претерпевая принципиальную переоценку. «Желудочный бунт» деда Шукаря сменяется ироничной мудростью «Папаши Тин-Каши», духовные метания Майданникова перерастают в столкновение клановых интересов Чэнь Сяньцзиня.

Даже незначительные детали демонстрируют влияние шолоховских мотивов на творчество Чжоу Либо, одновременно раскрывая глубокие культурные различия. Театрализованное шествие Любишкина в новых штанах находит отголосок в комической сцене с Чжан Цзинсяном, демонстрирующим резиновые сапоги в грязи. Однако если для Любишкина новые штаны символизируют вызов старому миру, то для Чжан Цзинсяна резиновые сапоги — прежде всего практичная вещь.

Типологический подход В.М. Жирмунского позволяет выявить, как Шолохов и Чжоу Либо, описывая аграрную коллективизацию, используют схожие символы, но наполняют их разным культурным содержанием. Чжоу Либо сохраняет шолоховскую драматургию конфликта, однако переосмысливает плуг как символ диалога с традицией.

Исходя из вышесказанного, видим, что Чжоу Либо не воспроизводит шолоховские приемы, а трансплантирует их в почву китайской культуры, сохраняя ядро конфликта, но изменяя его этические координаты. Как и Шолохов, он показывает, что история творится людьми, но эти люди мыслят категориями локальной культуры. Это подтверждает тезис Жирмунского о типологическом сходстве на уровне структуры мотивов при их культурной спецификации в духе Веселовского.

### Заключение

Литературный диалог между Чжоу Либо и Шолоховым служит ярким примером культурного обмена между Китаем и СССР в XX веке, демонстрируя транснациональную циркуляцию эстетики социалистического реализма и ее адаптацию к локальным контекстам.

Проведенное исследование, опирающееся на методологию исторической поэтики А.Н. Веселовского и типологический подход

В.М. Жирмунского, демонстрирует: испытавший влияние Шолохова Чжоу Либо не ограничился механическим заимствованием мотивов и образов, но творчески трансформировал их в соответствии с традициями китайской культуры.

Показано, что, сохраняя универсальные архетипы и нарративы о страдании, Чжоу Либо переосмысляет их, отражая специфику китайского мировоззрения и исторического опыта. Анализ мотивной структуры, пространственной символики и системы персонажей позволяет выявить, как шолоховские традиции, преломляясь сквозь призму китайской культуры, обретают новое звучание, обогащая мировую литературу уникальными смыслами.

Таким образом, творчество Чжоу Либо представляет собой удачный пример культурной трансплантации, при которой заимствованные элементы органично интегрируются в национальную литературную традицию, формируя самобытное художественное явление. Изучение данного взаимодействия способствует не только более глубокому пониманию творчества Чжоу Либо, но и раскрытию общих закономерностей межкультурного диалога в литературе.

Настоящее исследование позволяет уточнить механизмы межкультурного взаимодействия в литературе и оценить вклад Чжоу Либо в развитие как китайской, так и мировой литературы. Перспективным направлением дальнейших изысканий могло бы стать расширение анализа за счет изучения влияния других советских писателей на китайскую литературу, а также выявление универсальных и специфических черт этого процесса.

### Библиографический список

Белоглазов Г.П. Аграрно-промышленный комплекс КНР и китайская деревня в исторической ретроспективе: этапы и результаты 70-летних реформ (региональный аспект) // Китаеведение. 2019. С. 70–77. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarno-promyshlennyy-kompleks-knr-i-kitayskaya-derevnya-v-istoricheskoy-retrospektive-etapy-i-rezultaty-70-letnih-reform-regionalnyy?ysclid=mdugaa70xy311615089>

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 307 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 65. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 927 с.

Дмитриева Е.Е. Рене Этьембль. Доводы литературной компаративистики, или Сравнение — не довод // Вопросы литературы. 2024. № 6. С. 163–171. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2024-6-163-171>.

Дюсенгалиева А.С. Мотив страданий в творчестве Ф.М. Достоевского // Bulletin KazNU. Filology series. № 2 (148). 2014. С. 256–260.

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 493 с.

Ивинский Д.П. Книги пророков и русская литература // Вестник Московского университета. Сер. 9: филология. 2015. № 1. С. 34–48. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/knigi-prorokov-i-russkaya-literatura-1-kniga-proroka-daniila-zametki-k-teme?ysclid=mduhp84yck404590677>

Лукинова М.Ю., Глухенькая. Л.Н. Двойное кодирование в постмодернистской поэзии британского поэта-лауреата Кэрол Энн Даффи // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. С. 37–45. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynoe-kodirovanie-v-postmodernistskoy-poezii-britanskogo-poeta-laureata-kerol-enn-daffi?ysclid=mduhobld30227694733>

Рудман В. Предисловие к первому русскому изданию «Урагана» // 李华盛, 胡光凡. 周立波研究资料. 长沙: 湖南人民出版社, 1983年.第361页 (Ли Хуашэн, Ху Гуанфань. Материалы исследований о Чжоу Либо. Хунаньское народное издательство, 1983. 361с.).

Якименко Л.Г. О «Поднятой целине» Шолохова. М.: Сов. Писатель, 1960. 134 с. 马伟业. 《论周立波对肖洛霍夫的艺术借鉴》, 《学习与探索》1992年第4期. с. 113–117 (Ма Вэйе. «О художественных заимствованиях Чжоу Либо у Шолохова» // «Учеба и исследование». 1992. № 4. С. 113–117).

### Источники

Чжоу Либо. Большие перемены в горной деревне. М.: Изд-во «Писатель», 1958. 432 с.

Чжоу Либо. Ураган. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 460 с.

Шолохов М.А. Поднятая целина. М.: Азбука, 2015. 576 с.

周立波.我们珍爱苏联的文学. // 人民文学.1949年, 第1期. 15–22页. (中文) (Чжоу Либо. «Мы дорожим советской литературой». Народная литература. № 1. 1949. С. 15–22).

### References

Beloglazov G.P. The agro-industrial complex of the PRC and the Chinese countryside in historical retrospect: stages and results of 70 years

of reforms (regional aspect). *Kitaevedenie* = Chinese Studies, 2019, pp. 70-77. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarno-promyshlennyy-kompleks-knr-i-kitayskaya-derevnya-v-istoricheskoy-retrospektive-etapy-i-rezultaty-70-letnih-reform-regionalnyy> (In Russian).

Veselovsky A.N. Historical Poetics. Moscow, 1989. 307 p. (In Russian).

The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. Documents and Materials, in 5 vols, vol. 2, November 1929-December 1930. Ed by V. Danilov, R. Manning, L. Viola, Moscow, 2000. 927 p. (In Russian).

Dmitrieva E.E. René Étiemble. The Arguments of Literary Comparativism, or Comparison Is Not an Argument. *Voprosy literatury* = Questions of Literature, no. 6, pp. 163-171. Retrieved from: <https://voplit.ru/article/rene-etembl-dovody-literaturnoj-komparativistiki-ili-sravnenie-ne-dovod/?ysclid=mduhv2ei35398585474> (In Russian).

Diusengalieva A.C. The motif of suffering in the works of F.M. Dostoevsky. *Vestnik KazNU* = Bulletin KazNU, no. 2(148), 2014, p. 258. (In Russian).

Zhirmunsky V.M. Comparative Literature. East and West. Leningrad, 1979. 493 p. (In Russian).

Ivinsky D.P. The Books of the Prophets and Russian Literature. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, no. 1, 2015, pp. 34-48. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/knigi-prorokov-i-russkaya-literatura-1-kniga-proroka-daniila-zametki-k-teme>. (In Russian).

Lukinova M. Yu., Glukhenkaya L.N. Double Coding in the Postmodern Poetry of British Poet Laureate Carol Ann Duffy. *Mirovaya literatura na perekrestye kultur i tsivilizatsiy* = World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations, pp. 37-45. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynoe-kodirovanie-v-postmodernistskoy-poezii-britanskogo-poeta-laureata-kerol-enn-daffi?ysclid=mduhobld30227694733> (In Russian).

Rudman V. Preface to the First Russian Edition of "Hurricane". *Li Huasheng, Hu Guangfan. Research Materials on Zhou Libo* = 李华盛, 胡光凡. 周立波研究资料. 长沙: 湖南人民出版社, 1983年.第361页, 1983, 361 p. (In Russian).

Yakimenko, L.G. About Sholokhov's "Virgin Soil Upturned", Moscow, 1960, 134 p. (In Russian).

李华盛, 胡光凡. 周立波的研究资料. 长沙: 湖南人民出版社, 1983年.第361页. *Li Huasheng, Hu Guang fan. Research Materials on Zhou Libo. Changsha, 1983, p. 361.* (In Chinese).

马伟业.论周立波对肖洛霍夫的艺术借鉴.//.学习与探索.1992年第4期. c.113-117. Ma Weiye. On Zhou Libo's Artistic Borrowings from Sholokhov. *Study & Exploration* (学习与探索), no. 4, 1992, pp. 113-117. (In Chinese).

#### List of Sources

Zhou Libo. *Great Changes in a Mountain Village*, Moscow, 1958, 432 p.

Zhou Libo. *The Hurricane*. Moscow, 1952, 460 p.

Sholokhov M.A. *Virgin Soil Upturned*, Moscow, 2015, 576 pp.

周立波.我们珍爱苏联的文学. // 人民文学.1949年, 第1期. 15-22页  
(中文)